Ф О Р У М

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

Рассказ

Синдром алкоголика

Константин СОЛОВЬЁВ

Ты здесь. Ты здесь. Да, ты здесь. Ты пришёл. Опять пришёл, посетил, поселился. Надо вспомнить, сколько же тебя не было. 56 дней. Точно 56 дней. Два лунных цикла. Это точно. Второе полнолуние я уже не мог пропустить. Прошлое смог... Закрылся, на работу не ходил, телефонную зарядку с работы не забрал. Значит, силы ещё были. Были, потому что прошлый цикл был настолько ярким и всепобеждающим, что ужас от него держался целый месяц. Обычно одной недели хватает побороть отвращение к себе и страх пережить его снова. Нет, не так. Не страх. Всё забивает всепоглощающая жажда деятельности. Надо наверстать, всё доделать, исправить. Всё, что испортил... сломал... искалечил. Исправить искалеченную душу свою... её... наши...

Я лежу с закрытыми глазами... Не открою... боюсь. Я смотрю в себя и вижу одну жуткую боль. Боль не имеет границ. Болит не что-то конкретное. Болит всё. Боль это я. Я это боль..... она распластала меня, придавив липким потом к постели.

Обычные вопросы: что у тебя болит? Тебе плохо? Сначала я думал, что косноязычие мешает объяснить своё состояние. Потом я понял, что это необъяснимо. Нет в моём родном языке стройного предложения, построив которое я бы остался доволен, что передал это жуткое ощущение общего катастрофического ужаса в организме. Наверное, этого нет и в других языках.

Проснувшаяся мысль работает чётко и целенаправленно. Осталось ли? В том, что всё на месте, я не сомневался. Но осталось ли и сколько? Провалы в памяти стали частыми. А если честно, то и давно. Вспоминаются расплывающиеся обрывки разговора. Вернее, ругань, крики, плач маленького. Но одно я помню неизменно. Должно остаться. И где спрятано, я тоже помню

Если осталось 50, я не выдержу – сердце рванёт из груди. Доктор говорил про аритмию. Сейчас она приходит каждый раз. Тук-тук, пауза, пропуск, опять пауза. Чем всё закончится, понимаешь в такие минуты чётко. Пауза перейдёт в сплошную ГОРИЗОНТАЛЬНУЮ линию и... Дятел... со своим тук-тук больше не придёт. Но я знаю, что делать. Я чётко знаю, что делать. Мне кажется, что движения мои очень быстрые и целенаправленные. Полупустая бутылка стоит на столе и я замечаю съехавшую вбок этикетку. Опять самопал. Я же дал денег достаточно. Ладно. Эта ещё и лучше вставляет. 100, 100... Не больше 100. Меньше не поможет. Нет никакого отвращения. Просто вода, лекарство. Огненное лекарство. Первая утренняя доза не может быть маленькой. Организм не позволит. Всё. 30 секунд позади и боль отступает. Она отступает очень быстро. Как будто бы спадают свинцовые путы. Алкоголь блокирует боль и в тебя врывается маленький метеорит жизни. Совсем крошечный. Но как ты его ждёшь. Так ждёт пятилетний ребёнок долгожданный подарок. Всё... начало отпускать. Ты можешь дышать. Ты можешь перевести взгляд из себя на вокруг себя.

Как жаль, что дома уже никого нет. Ты бы рассказал... ты бы объяснил, что больше НЕТ, ЗАКОНЧИЛ... ОСТАНОВИЛСЯ. А пока ты быстро одеваешься, вернее, чем-то прикрываешься и быстро в магазин. Короткое время ты в силах преодолеть любую дистанцию. Одышка, сердцебиение, шум в ушах... Не беда. Уже рядом, уже у прилавка. Конечно, обратно без допинга не дойти. Так за ним и пришёл.

Магазин не работает. Вернее, работает, но ещё не продают. И это тебя просто убивает. Нет, силы ещё есть, остались. Надо идти, просить левака. Но стресс. Какое разочарование.

Теперь уже много нельзя. 50 это предел. Выше уже яд с очередным провалом в памяти. Утренний сценарий номер два. Домой, домой...

Я пришёл домой. Снимая туфли, почему-то покачнулся и упёрся рукой о стену. Вернее, о прохладную, мелованную бумагу календаря. На нём значок луны с каждым следующим днём скукоживался. Я посчитал сколько дней прошло от полнолуния. Восемь. Значит, завтра девятый день, как я умер. Я УМЕР ДЛЯ РАБОТЫ, Я УМЕР ДЛЯ СЕМЬИ.

Моё здоровье умерло. Я всё это убил. Убивал долго, нарочито, со вкусом. Каждый раз приставляя холодное стекло бутылки к своему виску. Наконец я добился своего. Я умер. Очередные поминки завтра. Потом меня пришлют обратно ломать и портить. А потом я себя убью снова. И так уже до самого конца.

Восстанавливаюсь я с каждым разом всё труднее и труднее. Но прошла неделя и я на работе, заискиваю перед женой, хожу с ребёнком на спорт и каждый раз вижу в его глазах удивление: КАК, МЫ ОПЯТЬ ВМЕСТЕ?! К хорошему мы быстро привыкаем. И я также знаю, что удивляться он будет недолго.

Через какое-то время подойдёт мама и скажет: сегодня иди без папы. Он уже не будет плакать ПОЧЕМУ? ОПЯТЬ?

А пока я сижу за ужином, строго смотрю на сына. По телевизору очередной ОРАКУЛ гундосит... это хроническое, неизлечимое, рецидивирующее, смертельное заболевание. Я сердито выключаю телевизор. Что за фигню показывают! Мы-то причём.

Вечером на пустом месте поругался с женой. Спал плохо. Перебирал события на работе. Все козлы. Не ценят. Одни придирки. В это время сквозь тучи оскалился огромный светящийся арбуз. Наконец-то, выдохнул я. Пошли вы все...

Я пошёл к большой коробке с инструментом, который никому не был нужен. Никому, кроме меня...

Таллин, 2015

О книге прозы Василия Дворцова "Повести"

Конец безвластия "шептунов"

Алексей ШОРОХОВ

В новую книгу известного современного русского писателя Василия Дворцова включены три повести, которые, на первый взгляд, – не являют собою никакого внутреннего единства. Не только герои этих повестей, возраст, обстоятельства жизни, но даже годы и десятилетия, к которым они принадлежат – разные.

...И всё же мы вправе говорить о единой книге. С единым пафосом (и даже требованием – но об этом ниже). И единым героем. Точнее – антигероем...

Потому что Василий Дворцов, на мой взгляд, один из очень немногих современных русских авторов, который както особенно пристально изучает такое явление 70-х, 80-х, 90-х годов двадцатого века, как "шептуны". Явление не новое, русское, "интеллигентское", уже вскрытое во всём своём уродстве февралём-октябрём 1917 года. Но то – уже далёкое, может быть по временам ноющее, даже бередящее генетическую память прошлое. А это, недавнее – и оно кровоточит.

Как? Как могло такое произойти, что умные, "передовые" люди, тайком читавшие Бердяева и Ильина, допущенные в подпольные узилища "истинно православной церкви", шептавшиеся ("шептуны") о скором падении советского режима ("Уж тогда-то мы...") – почему они не подхватили падающее знамя, почему не подняли новое или обновлённое старое?! Почему в лотовой каменной оторопи только хлопали глазами, когда великую страну растаскивали на куски рыжие или чернявые, со свиными или напротив наглыми и навыкате глазками послеперестроечные жирные коты и поджарые крысы?!

Характеры этих "шептунов" прекрасно выписаны и в первой повести "Кругом царила жизнь и радость" (директор музея Модест Александрович, бывший антисоветчик со стажем Иван Тихонович и другие) и в последней "Ангел Ангелина" (позднесоветские реставраторы храмов, слушающие по ночам "Радио Свободу" из Мюнхена). И даже в "чеченской", военной, казалось бы, предельно далёкой от интеллигентских камланий повести Дворцова "Тогда, когда случится..." – этот антигерой присутствует. Присутствует в лице... власти, трусливой, отрекающейся от своих солдат, предающей их "суду общественности", и просто – уголовному суду...

Что же может противостоять этому убийственному, в лучшем случае бесполезному "шептачеству"? И автор как бы развивает оборвавшийся сюжет "Братьев Карамазовых", где Алёша с немым сомнением: "Выходит, Бога нет? А если Он и есть, то почему так медлит?" – неуклонно идёт к действию, к социализму. Василий Дворцов в повести "Кругом царила жизнь и радость" рисует новое поколение "неистовых богоискателей", пестующее новые идеалы действия, теперь уже опричнины (то есть плюс на минус). Однако и в этой повести (в полном согласии с Фёдором Михайловичем

её можно было бы назвать "уголовной пасторалью") – действие, поступок оказываются не за внешними, не за мускулистыми и правоверными "опричниками", и уж тем более – не за шептунами. А за невзрачным Фомой, добровольно принимающим на себя страдания. Так же как главным героем "Карамазовых" является не собеседующий чёрту богоборец Иван, и даже не простодушно верующий социалист Алексей, – а окаянный и покаявшийся добровольный страдалец, непутёвый Митя...

В следующей повести, по определению "повести действия", военной "Тогда, когда случится..." – её подлинным героем, героем поступка становится омоновец по кличке Старый, пятидесятилетний Иван Петрович, которому до пенсии-то остаётся всего ничего... Он тоже идёт на страдание, на осуждение и тюрьму – уничтожая зло, расстреливая его в упор, понимая, что по-другому здесь нельзя. Как не вспомнить русских воинов, сделавших такой выбор в реальной жизни: Буданов, Аракчеев, Ульман...

Вообще, после фильма Алексея Балабанова "Война" – повесть Василия Дворцова "Тогда, когда случится...", пожалуй, самая жёсткая, самая честная художественная попытка понять корни Кавказской войны, проследить историю чеченцев, понять психологию, коллективное бессознательное этого рода-племени... И очень многим могут прийтись не по душе выводы, сделанные автором. Но его выводы согласны выводам Пушкина и Ермолова. И на этом – автор настаивает. А это – тоже поступок, тоже действие...

В последней, и кажется самой лиричной, повести в книге Василий Дворцов зримо ступает на "художественную территорию" уже Гоголя, можно было бы даже поднатаскать кой-каких постмодернистских терминов по этому случаю, но не будем.

Правда, действие "Ангела Ангелины" происходит не в Малороссии, а в Бесарабии. Почему? Следует основательный, характерно "дворцовский" экскурс в историю (а заодно филологию, мифологию и религиоведение). Важнее другое, что и здесь – за цыганками-ведьмами, чёрными курицами и железными мётлами – всё тоже нетерпеливое, авторское желание "действия" (на фоне высокоумничающих шептунов). И оно свершается, юноша становится мужчиной, и вырывает возлюбленную даже не из лап мифологической нечисти, а из удушающих объятий местечковой, окраинной мёртвости.

К свету, как это не пафосно будет звучать, любви. Настоящей. Единственной...

Я думаю, читатель уже догадался, почему Василий Дворцов именно сейчас решил издать эти повести под одной обложкой.

Потому что сегодня, как никогда, мы стоим перед самой неотложной необходимостью действия: покаянного, боевого, словесного. Время шептунов кончилось...

От редакции:
Все видели фильм "Крым. Путь домой". В нём президент России объяснил причины своего решения – воссоединить Крым с Россией.

Олег Осетинский объясняет необходимость воссоединения Крыма с Россией как всегда по-своему – в форме письма президенту Америки Обаме.

Он спас не только Крым...

Олег ОСЕТИНСКИЙ

Уважаемый г-н президент!

Считаю своим долгом поделиться с вами некоторыми соображениями о так называемой "аннексии" Крыма. На мой взгляд, аннексия Крыма действительно имела место, – но гораздо раньше, – в 1954 году, когда Крым был передан Украине. Но сначала – о другом.

Вам, г-н президент, конечно, известно, что радикальный ислам развязал-таки мировую войну против всего цивилизованного мира. Террористы-джихадисты, заливая окружающий мир кровью, начали строить халифат. И теперь даже до самых политкорректных дебилов дошло, что единственное эффективное средство борьбы с исламским террором – антитеррор. И цивилизованный мир принял, наконец, решение уничтожить ИГ. И хорошо, что именно вы приняли это решение первым, – честь вам и хвала! Странно только одно, г-н президент, – за что же вы так яростно ополчились на человека, который уже спас один прекрасный полуостров от захвата исламо-фашистами – причём без единой капли крови!

Полуостров этот называется Крым. Фамилия спасителя – Путин. Его действия вы назвали "спонтанной импровизацией", продиктованной тщеславием и эмоциями. Вынужден с вами не согласиться, г-н Обама. Видимо, ваши высокооплачиваемые советники просто не донесли до вас суть событий, имевших место в Крыму последние 23 года, и, прежде всего, – информацию о положении в Крыму русского населения. Позвольте это сделать мне – жителю Крыма.

ПЫТКА УКРАИНИЗАЦИЕЙ

С самых давних пор Крымом поочередно владели греки, генуэзцы, скифы, булгары и многие другие народы. В 15 веке в Крым хлынули остатки изгнанной из России Монгольской Орды, и примкнувшие к ней крымские татары, а затем Крым подчинили себе турки. Все эти народы в то время существовали за счёт торговли рабами, которых угоняли из России – и за 3 века похитили около 6-ти миллионов человек! И России это наконец надоело, и она послала в Крым войска, и Александр Суворов изгнал турок из Крыма, а крымским татарам – по их просьбе – разрешил остаться. Русские начали обустраивать Крым очень энергично. Уже к 1917 году Крым представлял собой хорошо развитую экономически часть российской территории с чудесными курортами, развитым сельским хозяйством, животноводством, виноделием, сетью дорог и т.д. При советской власти Крым вошёл в состав РСФСР. Во время войны с Германией часть крымских татар, сотрудничавших с гестапо, была депортирована в Среднюю Азию. После развала СССР в 1991 году крымским татарам было разрешено вернуться в Крым, где они получили землю – даже больше, чем до депортации, – все права, и зажили очень даже хорошо. И украинцы зажили в Крыму очень даже хорошо. А вот русским повезло не очень. Потому что в 1954 году произошло одно совершенно нелепое, и даже безумное событие.

(окончание на стр.8)

Об одноимённой книге стихов Натальи Кожевниковой

Посреди реки и света

Виталий МОЛЧАНОВ

Какая глушь! Я был один живой,
Один живой
в бескрайнем мёртвом поле,
Вдруг тихий свет
(пригрезившийся, что ли?)
Мелькнул в пустыне,
как сторожевой...

Николай РУБЦОВ

На одном дыхании прочитав сборник стихотворений "Посреди реки и света" Натальи Кожевниковой – человека интересного, многогранного, щедро поэтически одарённого, вспомнил я одну историю, давным-давно приключившуюся со мной в пору бесшабашной студенческой юности. Как я едва не утонул, решив искупаться в южном ночном море. Наша весёлая компания после дискотеки отправилась на пляж, и я случайно заплыл слишком далеко. Ночь была пасмурной – яркую летнюю Луну в один миг затянули чёрные тучи. Приятный лёгкий бриз грозил превратиться в самый настоящий шторм. Ветер усиливался, волны становились выше. Я плыл наобум, погружённый в сплошной мрак, не имея ни малейшего представления, где находится суша. Приятели мои к тому времени уже покинули пляж. Кричать было бесполезно. И вот, в тот самый момент, когда меня стала охватывать паника, на пирсе вспыхнул огонь – это рыбаки разожгли костёр, чтобы приготовить себе нехитрую снедь. Берег оказался ближе, чем я думал, добрый свет указал мне дорогу к спасению...

Почему прочитанная книга навеяла на меня такие воспоминания – я отвечу чуть позже. Сейчас мне бы хотелось обратиться непосредственно к стихотворениям Натальи Кожевниковой. Заботливо выпестованные талантливой рукой автора, они аккуратно разложены по пяти поэтическим полочкам, каждая из которых имеет своё название: "Вербное", "Домовитая ласточка", "В твоём саду", "Другое солнце", "Шёпот крови". Выбор названий для циклов стихотворений не случаен. Каждый цикл – это книга жизни автора – поэта и человека. Теплом любящего сердца пропитаны строки:

Мама моя – ты теперь земля,
Млечные облака,
Дальнее эхо, роса, поля,
Медленная река.
Солнце, что светит упорно мне
Сквозь неурядиц мглу.
Вот почему я теперь вдвойне
Землю свою люблю.

Мать и земля – самое святое, объединены автором в неделимое целое. Малая родина Кожевниковой – город Бузулук – мастерски воспета в цикле "Вербное". Наталья Юрьевна, разлучённая с Бузулуком территориально, навсегда осталась ему верной и преданной дочерью. Именно для неё качает лодку степная река, именно ей "мстится за горою" любимый город детства, именно она наблюдает "живую вешнюю воду" на улице, "где бедный нищему подаст калач дрожащими руками".

Путешествуя по страницам стихотворений Натальи Кожевниковой, открывая "двери" из одного цикла в другой, не перестаёшь удивляться особой гармонии смысла и формы. Классические русские лирические стихотворения тем и хороши, что есть в них тихая неторопливая мелодия родной природы, созвучная отзывчивой душе. Человеческие характеры выписаны в каноне – сдержанно и предельно точно, без излишних технических наслоений. В "Домовитой ласточке", в стихотворении посвящённом дочери Виталии, есть прекрасные строки, подтверждающие это:

По-прежнему мир стыден
и велик, –
Огни костров, далёкие напевы,
И средь листвы
блистает тонкий лик
Не дочери, не девочки,
но Девы...

Когда читаешь Наталью Кожевникову, не перестаёшь ей верить – в искренность любви и в горечь разлуки, в радость приобретения и боль потери. Образы, созданные автором, ясны и понятны, кажется, что ты сам видишь, как жестокий ветер бьёт "марлевым крылом о подоконник", как "летят, жужжа, из розового улья к ожившим вишням сонные жильцы", что "воздух, как нитка, натянут живой" между настоящим и прошлым (цикл "В твоём саду"). Нет ничего надуманного, чуждого, привнесённого извне. Человек – маленькая частица своего народа, живёт в согласии с окружающим его миром, верит в Бога, радуется хорошему, огорчается плохому, растит детей, взрослеет, стареет, сталкиваясь на своём пути попеременно то со счастьем, то с горем...

Обыкновенная обыденность человеческого быта (простите за тавтологию)? – Нет, и ещё раз нет! На то и дано высокое искусство поэзии, чтобы самое простое, встречающееся изо дня в день, сделать неожиданно замечательным, интересным и неповторимым.

Кожевникова владеет этим искусством в совершенстве. Вот, пожалуйста, из цикла "Другое солнце":

Вся жизнь, словно эта дорога,
В скольжении белого дыма,
Где всё – от безумства и Бога
До странности необъяснимо.

Я начал писать о сборнике стихотворений Натальи Кожевниковой, вспомнив одну давнюю историю, случившуюся со мной. Свет рыбацкого костра – "сторожевой свет" по Николаю Рубцову – тогда спас меня, не дал мне, молодому и глупому, погибнуть в морских волнах. Поэзия – очень опасный водоём, изобилующий коварными мелями, опасными рифами, холодными чужими течениями. Без разницы – море это или река, озеро или пруд, а для кого-то, быть может, обычная дождевая лужа, утонуть в этом водоёме просто, если путь твой в Поэзии не будет направлять чудотворный свет любви к Родине, к нашей Православной Вере, к живому русскому слову, к нашим замечательным традициям.

Этим животворящим светом дышит новая книга Натальи Кожевниковой "Посреди реки и света". Хотелось бы, чтобы у этого долгожданного издания было как можно больше читателей и почитателей. В завершении хочу процитировать несколько строчек из лучшего на мой взгляд стихотворения, представленного в сборнике, – "Девятый псалом" (цикл "Шёпот крови"):

Лишь любовь, как свеча
в уходящем былом...
И взыскуя, и плача о ней,
и молясь,
Ждём её...
А во тьме девяностый псалом
Ищет жизни и смерти
мгновенную связь...

Где сама я лишь отсвет и отзвук...

Наталья КОЖЕВНИКОВА

* * *

"Я в жизни только раз
сказал "люблю"..."
Ю.Кузнецов

Он в жизни
столько раз сказал "люблю",
Он слово это вывесил средь поля.
Его трепали ветры, вёсны, воля!
Потом он встретил милую свою.
Рассёк, молниеносный, грудь её,
Где сердце обезумело тугое,
Ударил гром и он забыл своё,
И солнце в небеса взошло другое.
Он ад найти осмелился в раю,
Он день прогнал обратно
ночью пылкой!
И хочет он теперь сказать
"люблю",
А губы сводит жалкою ухмылкой...

* * *

Примирилось вскоре сердце
С нанесённой горькой меткой,
На незримом небосклоне
Ты один и я одна.

Безбоязненно и глухо
Бьёт берёза белой веткой
В строгий крестик переплёта
Затемнённого окна.
Драгоценный мир расколот.

Разлетелись все осколки
И сияют во Вселенной,
И горят во тьме земной.
Мне осталось только слушать –
Взвоют сумрачные волки
В голубых степях уральских,
Над последней тишиной.

За звездой в развёрстом небе
Будут бесы волочиться...
Чтоб не смог с тобой лукавый
Злую штуку пошутить,
Я пойду крещенской ночью
Вслед за вьюгою-волчицей
На дверях твоих закрытых
Мелом крестик начертить.

* * *

Я забываю постепенно
Не очертания лица,
Не разворот плечей пловца,
А радость вишни белопенной
По обе стороны крыльца.

Бездонность неба, тень узора
На нём, где туч толклись воза
(Там шла безмолвная гроза),
Но помню в зеркальце обзора
Твои спокойные глаза.

Бензина еле слышный запах,
Бинокль в коже дорогой...
Сломалась ветка под ногой,
Исчезла белка в хвойных лапах,
Исчез и ты. Но кто другой
С твоим лицом,
лицом влюблённым,
Стоит на низком берегу,
Так ясно видный на снегу
Сквозь ветра свист потусторонний,
Сквозь полуночную пургу?
С пылью звёздного Ковша,
С рощей белою, берёзовой...
Вот и стало тело розовым,
И оттаяла душа.

* * *

Из мартовского льда,
дворовой скверны,
Сырых бараков,
выстроенных в ряд,
Старухи, торопясь, идут к вечерне
И тает солнца вымученный взгляд.
Стекло под каблуком,
как стая льдинок,
Хрустит, и тут же за углом
Собачится до слёз
вокзальный рынок,
Пропахший самогоном и козлом.
Я знаю что? – Мне весело и жутко
Идти и верить в сон свой наяву,
Глядеть на пожилую проститутку,
Уткнувшуюся в жухлую траву.
На время –
здесь всё сумрачно и зыбко...
Но тот, кто впереди меня идёт,
О воздух обопрётся без улыбки
И в ночь сырую тихо перейдёт,
На миг лишь
потревожив птичьи гнёзда
И крыльями раздвинув облака.
Вечерний час.
Сильней и ярче звёзды.
Печаль земная,
словно вздох, легка.

* * *

Многого не хочу,
Многое не дано.
Мне бы одну свечу
Звёздочкой на окно.
Дальний багряный лес
В лунном ночном плену,
Да золотых небес
Сонную тишину.
Свята земля сия.
Хочешь ты или нет,
Будет над ней сиять
Дивный Господний свет.

В мире сейчас темно,
Молнии – отблеск меча.
Страшно. Но есть окно,
Женщина и свеча...

* * *

Виталии

Луной полнощной
твердь освещена,
Грозы далёкой лёгкое дыханье
Скользит по волосам, и тишина –
Задумчивого времени созданье,
Сквозит вокруг
и сгинет в свой черёд,
Когда фиалка вспыхнет городская,
И выйдешь ты с улыбкой из ворот,
Упругим телом воздух рассекая.

И я, таясь в черёмуховой мгле,
Дичась, волнуясь, плача, негодуя
И радуясь – пойму, что на земле
Весну опять встречают молодую.
По-прежнему мир стыден и велик, –
Огни костров, далёкие напевы,
И средь листвы
блистает тонкий лик
Не дочери, не девочки, но Девы...

* * *

Что водой весенней смыло,
Что ветрами унесло,
Что прошло – то стало мило:
Лодка, дерево, весло.
В синем небе перехватчик,
Дым кизячный, чайки крик...
Узкоглазый скачет мальчик
Средь пастушьих повилик.

В бледном золоте потока
Рыба выглянет на миг.
И не близко, не далёко,
В сотне вёрст от снов моих

Молчаливый и рукастый,
Тяжело вздымая бок,
Поворачивался Каспий
Тёмным ликом на восток.

* * *

Ночи короткие тянутся к свету,
Плачут капели
весь день напролёт,
Тёплое, сонное, синее лето
В лодке бумажной
по лужам плывёт.

Всё переменчиво – люди, погода,
Мода, растенья. А там, вдалеке,
Ходят грачи
под крылом небосвода,
Облако тает у марта в руке.

Солнце такое,
что некуда скрыться.
Сердце мятежно и губы сухи.
Впору раскаяться,
впору влюбиться –
Близко и слёзы, и смех, и стихи.

* * *

Пока ещё печальный счёт потерь
Ни жизнь, ни осень
нам не предъявляли,
В сырую ночь распахнутую дверь
Мы с вечера беспечно оставляли.

Луна не покидала небосвод,
Как выполненье тайного условья,
И персика медоточивый плод
Светился до утра у изголовья.

И тихо, словно ангел пролетел,
Звезда скользила в окнах,
умирая
Над млечностью
уставших наших тел,
Над сонными воротами от рая.

Изба, уснув, скрипела на весу,
Полынью пахла свежая побелка.
И долго ухал сыч в сухом лесу,
Играя в прятки
с трепетною белкой.

* * *

Деревянная лестница в сад,
Словно трап в золотое кипенье
Солнца, влаги, листвы,
где как град –
Соловьиное майское пенье.

Где холодный смородинный дух
В жарком сумраке зелени тает,
И неслышно лицо обвивает
Одуванчиков ангельский пух.

Где дрожит и волнуется воздух,
Синим маревом в небо маня,
Где сама я – лишь отсвет и отзвук
Древней музыки, света, огня...